

Н.В. ЩЕРБАНЬ - ФРАНЦУЗСКИЙ КОРРЕСПОНДЕНТ ИЗДАНИЙ М.Н. КАТКОВА

N.V. SHCHERBAN - FRENCH CORRESPONDENT OF M.N. KATKOV'S PERIODICALS

A. Kotov

Annotation

The article is devoted to N.V. Shcherban – a little-known conservative publicist of the second half of the XIX century, the permanent correspondent of "Moscow vedomosti" and "Russian vestnik". Most of his time Shcherban spent in France, he knew very well Russian emigre environment and a French political life, which was described in his correpondences. Polemical struggle against radical revolutionaries also figured prominently in his essays.

Keywords: Shcherban, Katkov, Turgenev, journalism, publicism, conservatism, populism, nihilism.

Аннотация

Статья посвящена деятельности Н.В. Щербаня – малоизвестного консервативного публициста второй половины XIX в., постоянного корреспондента "Московских ведомостей" и "Русского вестника". Большую часть своего времени Щербань проводил во Франции, хорошо знал русскую эмигрантскую среду, а также французскую общественно-политическую жизнь, которую он широко освещал в своих корреспонденциях. Особое место в публицистике Щербаня занимала борьба с революционным радикализмом.

Ключевые слова:

Щербань, Катков, Тургенев, журналистика, публицистика, консерватизм, народничество, нигилизм.

Николай Васильевич Щербань

(1834–1893) – одна из наименее изученных фигур в окружении издателя-редактора "Московских ведомостей" М.Н. Каткова. Самый известный эпизод его деятельности – переписка с И.С. Тургеневым, не сохранившаяся, впрочем, в оригинале и републикованная впоследствии по изданиям самого Щербаня. Эпитет "дрянной человек", употребленный великим писателем по отношению к своему корреспонденту, лишил последнего каких-либо шансов даже на посмертную литературную карьеру. Тем более, что Щербань и не был ни "идеологом", ни сколько-нибудь самостоятельным мыслителем. Однако его регулярные корреспонденции и разборы новейших европейских книг по ключевым общественно-политическим вопросам своего времени служили прекрасным фоном для катковских передовиц и, разумеется, не могли не влиять на взгляды читателей и сотрудников редакции.

Практически сразу после окончания в 1856 г. юридического факультета Московского университета Щербань уехал во Францию. Но расстояние между Парижем и Москвой в те времена было не больше нынешнего – и практически в то же время бывший студент сблизился с кружком "Русского вестника". "Московские бароны" Катков и Леонтьев по достоинству оценили и живость слога Щербаня – и в 1863 г. предложили ему соредакторство в только перешедших к ним в удел "Московских ведомостей". Лишь нежелание Николая Васильевича расстаться с

Парижем "заставило их искать себе других помощников", однако с этого времени Щербань "оттуда стал присылать интересные, живые, остроумные письма, которые, без преувеличения можно сказать, явились в наших газетах первыми образцовыми опытами "корреспонденций" [5].

В конце 1850-х годов на страницах "Русского вестника" вышел ряд подробных статей Щербаня о французской судебной системе. В них публицист всячески восхвалял тамошнюю "образованную корпоративную и несменяемую магистратуру" [16, с. 593]. Не менее интересна другая работа Щербаня о французской государственности – "Централизация и свобода". В этой рецензии на одноименную работу французского исследователя Дольфуса по преимуществу сочувственно пересказывались основные тезисы автора – в свою очередь, развивавшего идеи вышедшей в 1856 г. "Старого порядка и революции" де Токвиля. Следуя основной тенденции тогдашнего "Русского вестника", Щербань писал: "В старину с "прекрасною Францией" случилось недоразумение. Спасаясь от феодализма, "прекрасная Франция" не распознала в централизующей силе нового врага и с размахом бросилась в его объятия. Так она и осталась" [20, с. 654]. Таким образом, с давних пор централизация поработила себе Францию, и Франция как бы окаменела в "централизационных распорядках". Как следствие, "на долю частной деятельности не остается никаких забот. Сообразно с этим, частная инициатива не имеет во

Франции ни значения, ни прав, ни силы" [20, с. 656].

Проводя за границей большую часть своего времени, Щербань завязал в эти годы прочные связи, как с русским посольством, так и русской аристократической "общинной" в Париже. Среди прочих постоянных и временных её членом был и будущий редактор "Вести" В.Д. Скарятин. Но главное – именно там Щербань познакомился с И.С. Тургеневым. Поводом для знакомства стало поручение катковской редакции. Тургенев рекомендовал "Русскому вестнику" левого французского журналиста Феликса Морнана, однако Катков отказался "открыть свои страницы революционеру, ученику Ледрю-Роллена, клиенту принца Наполеона, зоилу России, сподвижнику полонизма", и попросил Николая Васильевича передать Тургеневу свой отказ [18, с. 213]. Щербань воспользовался этим случаем, втерся к последнему в доверие и стал своего рода литературным секретарем писателя. Он обеспечивал его взаимодействие с катковской редакцией, вёл корректуру печатавшихся в "Русском вестнике" "Отцов и детей", переводил по просьбе Тургенева сказки Шарля Перро, а также снабжал писателя "разными продуктами российской прессы" [10, с. 213].

Первоначальные отзывы Тургенева о Щербане были самые благоприятные. Так, в феврале 1862 г. писатель отмечал в письме Анненкову: "Он прекраснейший человек и оказал мне истинные услуги при приведении в порядок моих многочисленных поправок и прибавлений в "Отцах и детях"". Самого Щербаня писатель утешал в момент семейной невзгоды (супруга публициста, Вера Иосифовна, хотела вернуться в Россию): "Вспомните, что Вы малоросс и в качестве малоросса должны иметь в двадцать раз больше энергии, чем наш брат, великороссийский мешок" [10, с. 52]. Восхищение Тургенева вызвал и цикл статей Щербаня "Старые дела", вышедший в "Одесском вестнике" за 1863 г. В них крымский помещик доказывал невиновность осужденной за убийство мужа молодой женщины. Иван Сергеевич так отзывался на эту публикацию: "Если у Вас в памяти, или даже на бумаге, хранятся такого рода вещи – Вам непременно нужно опубликовать их. Это обличение теперь самое полезное. Еще раз с благодарностью жму Вам руку" [10, 180].

Однако к началу 1870-х общение Щербаня с Тургеневым прекратилось – во многом из-за скандала вокруг многочисленных ошибок в катковской публикации "Отцов и детей". В ноябре 1874 г. Тургенев напишет о Щербане в письме к В.В. Стасову: "сам-то он достаточно дрянной человек, с которым мне не желательно знаться" [13, с. 218]. С Николая Васильевича Тургенев "спишет" образ Пантелея Пантелеича Чубко в задуманной в конце 1870-х, но не оконченной "Новой повести" [12, с. 224]. Впрочем, по замечанию советского исследователя, "изображая персонажи, подобные Чубко [...] в различных жизненных сферах (в быту, любви и т. д.), Тургенев далеко отходит от первоисточника этих образов, прибегает, особен-

но в характеристике Чубко, к сгущению красок, гиперболе, резкой иронии" [12, с. 498].

В середине 1860-х Щербань стал редактором про-русской франкоязычной газеты "Nord", в которой, впрочем, сотрудничал и ранее. Вопрос этот решался весной 1864 г., когда В.П. Боткин написал Тургеневу: "обещал у Щербаня, который, кажется, решился находиться на распутии и толочь воду [...] Мне кажется, что он метит в главные редакторы "Nord"" [12, с. 259]. Именно тогда газета из рук своего основателя Н.П. Поггенполя перешла "к небольшому кружку акционеров (в который, очевидно, входил и Щербань)" [10, с. 509–510]. Впрочем, материальных выгод это ему не принесло. Еще не успевший разочароваться в новоиспеченном редакторе Тургенев писал в начале 1865 г. П.В. Анненкову: "Этот странный смертный, неизвестно к чему стремящийся, но стремящийся сильно и настойчиво – в последнее время был занят весьма неблагоприятной работой, называющейся у французов тасканием чёрта за хвост. Пожираемый бедностью, он всё еще стоит горой за интерес России в "Nord'e"; черта похвальная в наш небескорыстный век" [11, с. 103].

С 1866 г. благодаря посредничеству П.В. Анненкова начинается сотрудничество Щербаня с изданиями Краевского – "Голосом" и "Отечественными записками" [7, л. 1]. Из отдельных статей Щербаня на страницах принадлежавшего тогда к "русскому направлению" "Голоса" наиболее интересно его "письмо в редакцию" под заглавием "Русская пропаганда", а также французские корреспонденции 1870–1871 гг. – в которых крайне резко характеризовал всех участников революционного процесса и французское общество в целом.

Особенно не понравилась Краевскому "гамбеттофобия" Щербаня. С 1871 г. его корреспонденции всё чаще подвергались сокращениям. Кроме того, общность политических взглядов и эстетических вкусов влекла его обратно к М.Н. Каткову. В 1873 г. на страницах "Русского вестника" появляются "Парижские заметки", подводившие своеобразный итог размышлениям Щербаня об особенностях французской политической жизни: "В парижском треволнении есть оригинальная черта. Как ни противоположны понятия "однообразие" и "разнообразие", но трудно прибрать выражение, которое более приличествовало бы для характеристики постоянной особенностями здешней суеты, чем отзыв, что парижский калейдоскоп замечателен однообразием своего разнообразия. В калейдоскопе обыкновенно одни и те же кусочки, вертясь, складываются в различные фигуры: в здешнем – различные события поворачиваются все на один и тот же лад. Возьмите общее содержание всей поэмы парижских судеб чуть не за целое столетие: при беспрестанных метаморфозах – какая, однако же, монотонность видоизменений: революция, неудовольствие, деспотизм, затишье, неудовольствие, революция, неудовольствие,

деспотизм, затишье, неудовольствие, революция.." [17, с. 439]

Щербань не видел в новом политическом спектре ни одной заслуживающей доверия силы: "Кого прикажете держаться здесь всецело? Монархисты рядом с действительно либеральными стремлениями обдадут вас клерикализмом. Левый центр бодр и стоек в преследовании насущных интересов страны: а там, смотришь, он не совсем отдает себе отчет, что такое свобода. У республиканцев, на словах одно, на деле – готовность подтасовать совсем другое, лишь бы устроилась возможность сбережения [...] правительственного господства их партии. Все хлопочут исключительно о власти, и республиканцы прежде всех [...] Есть люди, отстаивающие республиканскую форму правления вовсе не потому, чтобы считали ее *conditio sine qua non* человеческого благосостояния, а единственно для того, чтобы им, а не другим партиям достались выгоды властвования, достигнув которого они не задумаются точно так же теснить свободу, прижимать чужие мнения, рисоваться, петушиться, самодурствовать, как и любой из бонапартистов" [17, с. 442].

С этого времени корреспонденции Щербаня окончательно переключались на страницы "Московских ведомостей". Его колоритные и – по мере снижения драматизма местной политической борьбы – все более гротескные зарисовки французской общественной жизни целиком соответствовали катковским представлениям о демократических реалиях и о методах борьбы с ними. Традиционным катковским полемическим приемом было подчеркивание идейного сродства между нигилистами и "аристократами" "Вести". Поэтому "Московские ведомости" с удовольствием печатали следующее свидетельство-размышление своего парижского корреспондента: "Каким образом Рошфор, отрасль знаменитого бургундского дома, роднившегося в старину с королями (1104 г.) и славившегося своим девизом *Lilia sustinet virtus*, побратался с бельвилльскими проходимцами и опозорился коммунальными афоризмами? Не в том ли разгадка этого с виду необъяснимого обстоятельства, что на беду для политических судеб страны, все различие между французскою аристократией и французскою чернью всегда заключалось, и теперь заключается единственно в изысканности манер и в благовоспитанности, а не в образовании, так что принявшись за политику, всякому графу или шевалье чрезвычайно легко с феодального столба шлепнуться прямо в кабацко-политическую лужу" [1].

Но главной задачей катковских изданий всё более становилась борьба со своим, русским нигилизмом. И Щербань не остался в стороне от этой борьбы. Так, в июне 1875 г. на страницах "Московских ведомостей" появился его обширный очерк "Возрождение русской печати за границей" – посвященный возобновлению литературной активности революционной эмиграции – прекратившейся было после смерти Герцена и разгрома Па-

рижской коммуны. Однако в Берлине Щербань, по собственным словам "чисто из платонического любопытства, [...] зашел в один из магазинов Под-Липами, в окнах которого увидел обертки и листки с русскими буквами". Любознательному посетителю принесли каталог всей русской литературы – "и вдруг пошел длинный ряд новых демагогических выпусков, целая современная революционная литература [...] всего не перечтешь и все изготовлено и пущено уже в самое ближайшее время, когда русская заграничная революционная суетливость, казалась, присела [...]. Даже газета! Понятно, с каким смешанным чувством взялся я за толстую пачку. Скорбеть ли о том, что безумная проповедь опять получила возможность организовываться, что опять зараза прививается хронически, что опять отраву подносят регулярно через час по ложке, или презрительно улыбнуться сумасбродной попытке?"

Речь шла о газете "лавристов" и "чайковцев" "Вперед", претендовавшей на большой радикализм сравнительно со своими предшественниками. Николай Васильевич так комментировал содержание первых номеров: "Люди, командующие "Вперед", обещают работать целесообразней, и не ограничатся какими-нибудь там полумерами, какими довольствовалась коммуна, сентиментально расстреливавшая заложников не более, как десятками. Они "не остановятся ни пред какими препятствиями, ни пред какою суровостью" (№ 8, стр. 229). Им нужна беспощадная "война против общества, война в одиночку, _война воровством, поджогом, грабежом, убийством_" (№ 1, стр. 21), которая все охватила бы и низвергла бы, которая вдребезги разбила бы весь теперешний строй: того "требуется", говорят они, живая современная наука (№ 8, стр. 229)" [2].

В дальнейшем Щербань также не упускал возможности затронуть столь важную для редакции тему. Так, в 1884 г. он будет предлагать С.А. Петровскому (к тому времени уже взявшим на себя часть редакторских обязанностей) новый цикл статей, направленных против умеренного "пропагандистского" народничества: "С нигилизмом совершается – уже совершилась – метаморфоза. Оборвавшись на терроризме, он решил не придерживаться его исключительно и параллельно с ним вести парламентскую кампанию. С этим подвохом бороться труднее, чем с кровавыми покушениями уже потому, что парламентские заходы встречают сочувствие в провинции и содействие петербургских либералов. Но бороться нужно. Первый номер официального органа нового направления "Свободная Россия", наконец издан. Он должен был появиться 1 марта, вышел только на днях. Мне в феврале довелось еще видеть первые 48 страниц, тотчас по их отпечатании. Понятно, я должен был игнорировать не поступившее еще тогда в обращение. Теперь, когда листок пущен в оборот, можно – и следует – заняться не им, конечно, а новым направлением. У меня готово для "Московский ведомостей" 8 небольших фельетонов та-

кого течения мыслей: подлинные цели нигилизма, первоначальные план его достижения; его неудача; перемена практики; почему нигилизм из врага конституции превратился в ее приверженца; как, по собственным обмолвкам, он надеется, раз будет выведена Россия на конституционную дорогу, с большею или меньшею быстротою, но наверное ухлопать ее в социальную революцию" [2].

Но не нигилизмом единым было живо перо парижского представителя "катковского департамента". Затронул он и другую интересовавшую Каткова тему – американскую политическую жизнь. В апреле 1877 г. "Русский вестник" напечатал статью "Американское имбролио" (кавардак, запутанный сюжет – А.К.). В качестве "коренных недостатков демократического устройства" Щербань указывал на "взяточничество и повальные злоупотребления, систематически и открыто господствующие в Соединенных Штатах" [14, с. 612–614].

Не мог не отреагировать публицист и на Восточный кризис второй половины 1870-х гг. Статья Щербаня "Всеевропейское фиаско" была посвящена началу Константинопольской конференции 1876–1877 гг. Как и полагалось сотруднику М.Н. Каткова, Николай Васильевич занял "великодержавно-панславистскую" позицию, подчеркивая, что за спиной Турции стоит главный враг России – Англия [15, с. 845–846]. Характеристика Щербанем политической системы османской Турции также была довольно стандартна для катковского направления. Если романтики К.Н. Леонтьев и В.В. Крестовский восхищались экзотическим колоритом тамошней "цветущей сложности" и пророчили культурную деградацию Балкан после ухода турок, то парижский "малоросс" Щербань смотрел на дело практически. Вслед за презиравшим всякую "азиатчину" Катковым Николай Васильевич связывал идею сохранения "больного человека Европы" с "доводимыми до неприличия старания английских туркофилов убедить мир в нравственной и политической возможности и впредь терпеть в Европе турецкое государственное status quo". В своей обзорной рецензии "Турция и турецкие деятели" он пересказывал вышедшую в Лейпциге работу "Stambul und das moderne Turkenthum", принадлежавшую перу анонимного "Османа" – по предположению самого Щербаня, бывшего крупным турецким чиновником. В приуроченной к русско-турецкой войне статье Турция представляла воплощением архаики и дикости: "Всякое турецкое видное лицо окружено, разнообразно своим гаремным привычкам, несметною толпою челядинцев, поваров, кучеров, конюхов, гайдуков, садовников, "закупателей припасов", "подавателей трубки", "наливателей кофе", "приносителей обеденного табурета", "стоятелей у двери" и т.д., и т.д. Весь этот люд большею частью не имеет жалованья, лишь кормится в доме и живет подачками с просителей и гостей. Из него – то высокопоставленный хозяин, в награду за усердие, и снабжает провинцию второстепенным начальством всякого рода, которое при счастья в свою очередь нередко попадает в высокопоставленные лица. Нравственные черты

этого рода бюрократии таковы, каких и следует ожидать от ее происхождения" [19, с. 311]. С сомнением смотрел русский парижанин и на турецкое простонародье: "Наш автор утверждает, что лишь высшие и правительственные классы Турции гниль, все же остальное население отличается "честностью, трезвостью, трудолюбием, гостеприимством, обходительностью" и иными идиллическими добродетелями. Отчего же в таком пресловуто-демократическом государстве, каково Оттоманское, где "чубукчи" выскакивают в визири, это население не снабжает государственный строй более здоровыми элементами?" [19, с. 338]

Турецкий государственный и общественный быт предстал в статье в равной степени бессмысленным и беспощадным: "Не одни оттоманские чиновники и сильные своим положением частные "особы", но всякая турецкая сволочь позволяет себе обращаться с христианами как со скотами" [19, с. 327]. Резко контрастируют с появившимися в том же "Русском вестнике" задушевно-поэтическим леонтьевским описанием турецкого чувства комфорта следующие образы: "Турки чувствуют какое-то непреодолимое отвращение от удобных путей сообщения и никто из них, ни даже купцы фабриканты и промышленники не понимают необходимости ни порядочных путей сообщения, ни клонящихся к городскому благоустройству публичных работ" [19, с. 316]. В целом, по мнению Щербаня, любые реформы в Турции были обречены на провал: "Турецкое племя не способно к государственности... И неоткуда взять им смысл, создающий почтенные государства и благоустроенные общества! Ни малейших признаков того, что называется государственным и народным просвещением, в Турции не имеется" [19, с. 338].

Очевидно, что познания Николая Васильевича о Турции не отличались особенной глубиной. Хорошо знал и понимал он, по всей видимости, только жизнь французскую. Но по мере того, как во Франции стабилизировалась политическая обстановка, тамошняя политическая жизнь всё меньше интересовала русскую публику. Во второй половине 1880-х Щербань, не прекращая сотрудничества с новой редакцией "Московских ведомостей" ищет новые сюжеты и новые "площадки" для публикаций. Но далеко не всех редакторов удовлетворяли его материалы. Так, С.Н. Шубинский не принял для публикации в "Историческом вестнике" ряд предложенных Щербанем текстов, в том числе и позднее опубликованные "Русским вестником" воспоминания о Тургеневе [8, л. 238].

Одна из последних публикаций Щербаня в "Московских ведомостях" – статья "Напраслина", написанная в защиту памяти покойных Каткова и Леонтьева от "наветов" покойного же Н.В. Берга. "Записки" симпатизировавшего полякам писателя и путешественника были опубликованы в "Русской старине" и содержали, в част-

ности, следующее свидетельство: "Всё лучшее тогда у нас было на стороне поляков [...]. Салоны Каткова, редактора "Московских ведомостей" и "Русского вестника", были для них открыты по пятницам [...]. Леонтьев говорил о них с восторгом". Щербань настаивал на том, что "память обманула автора посмертных записок", и мятежной Польше сочувствовало не "всё лучшее", но только лишь либералы-космополиты [3].

В конце 1870-х Щербань пытался вернуться в Россию и принять участие в земской деятельности – в качестве гласного Евпаторийского земства и (в 1880–1883 гг.) члена Таврической губернской земской управы. Через несколько дней после январской катастрофы 1881 г. в некоторых земских собраниях заговорили о необходимости расширения прав земства. При составлении адресов новому императору звучали предложения "умолять государя выслушать свободный голос Русской земли, чрез посредство истинных ее представителей и действительных выразителей народных нужд, интересов и душевных мыслей" [9, с. 141]. 24 апреля "те же мысли" высказал в таврическом губернском собрании В.К. Винберг – указавший на отсутствие в стране "органа, правильно выражающего народную нужду". Ему и отвечал Н.В. Щербань: "С самого злосчастного дня 1 марта каждый из нас много передумал... Все накопившееся и передуманное рвется наружу. Рвутся и чувства, и мысли! Мысли эти намечены В.К. (Винбергом) в его мнении о характере, который должен иметь предлагаемый им моти-

вированный адрес. Это – проведение к нам известных государственных начал. Скажу, гг. откровенно: я искренно и глубоко убежден в необходимости этих государственных начал, в их пользе; полагаю, и не я один, а все члены нашего собрания, вместе со всеми спокойными и рассудительными людьми". Однако, по мнению Щербаня, "адресное давление" был "политически и всячески бестактно" в тот момент, когда "правительство занято ориентированием в борьбе с подпольною крамолою, когда Глава его удручен сыновнею скорбию, в миллион раз тягчайшею нашей скорби". Предложенный В.К. Винбергом адрес был таврическим земством отвергнут [9, 142–144].

Автор некролога "Московских ведомостей" позже оценил последствия этого выступления Щербаня: "Здесь почивший Николай Васильевич являлся "светлым лучом в темном царстве". Кто не знает того нравственного либерального мрака, который густым туманом окружал земскую деятельность во всей России в пору несчастных 70-х годов. И вот Николай Васильевич явился одним из пионеров в деле обращения земства от многоглаголания к практической деятельности. Этой заслуги Николая Васильевича Крым никогда не забудет" [4]. Но "практическая деятельность" длилась недолго – в 1884 г. Щербань отправляется в Черногорию, где некоторое время состоит при не слишком роскошном дворе князя Николая, откуда – вероятно, не без облегчения, вернулся в Париж. Там он скоропостижно скончается 1 ноября 1893 г. во время театрального представления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Московские ведомости. 1874. № 88. 11 апреля
2. Московские ведомости. 1875. № 137. 1 июня
3. Московские ведомости. 1891. № 161. 15 июля
4. Московские ведомости. 1893. № 311. 11 ноября
5. Московские ведомости. 1893. № 305. 5 ноября.
6. Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 224. К.2. Д. 65.
7. Рукописный отдел Российской Национальной библиотеки (далее – РНБ). Ф. 391. Д. 928.
8. РНБ. Ф. 874. Д. 35.
9. Сватиков С.Г. Общественное движение в России (1700–1895). Ростов-на-Дону: Донская речь, 1905. 204, 198, VI с.
10. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем. Письма в 18 тт. Т. 5. М.: Наука, 1988. 640 с.
11. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем. Письма в 18 тт. Т. 6. М.: Наука, 1989. 370 с.
12. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем. Сочинения в 12 тт. Т.12. М.: Наука, 1988. 818 с.
13. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем. Письма в 18 тт. Т. 13. М.: Наука, 2002. 561 с.
14. Щербань Н.В. Американское имброглио // Русский вестник. 1877. № 4. С. 608–643.
15. Щербань Н.В. Всеевропейское фиаско // Русский вестник. 1876. № 12. С. 830–846
16. Щербань Н.В. Магистратура во Франции // Русский вестник. 1858. № 12. Кн. 2. С. 588–606.
17. Щербань Н.В. Парижские заметки // Русский вестник. 1873. № 5. С. 439–456.
18. Щербань Н.В. Тридцать два письма И.С. Тургенева и воспоминания о нём (1861–1875) // Русский вестник. 1890. № 8. С. 3–76.
19. Щербань Н.В. Турция и турецкие деятели // Русский вестник. 1878. № 1. С. 308–365.
20. Щербань Н.В. Централизация и свобода // Русский вестник. 1860. № 6. С. 654–675.